

А. В. Тумаков

Московский университет Министерства внутренних дел
Российской Федерации имени В.Я. Кикотя
г. Москва, Российская Федерация

Правовая парадигма защиты прав обладателя цифрового объекта

Резюме. В статье рассматривается общая теоретическая и цивилистическая конструкция субъективного права. Анализируя общие варианты возможного поведения субъектов права, такие как право на совершение собственных действий, право требовать исполнения юридической обязанности, право обратиться в компетентный государственный орган за защитой, автор приходит к выводу о тождественности конструкции правомерного поведения участников гражданского оборота в отношении цифровых объектов. С целью уяснения базовых основ функционирования цифровой среды и особенностей защиты субъективных прав в цифровой среде применяется метод экстраполяции и рассматривается возможность распространения действия общих гражданско-правовых принципов на отношения, возникающие в цифровом пространстве. В статье обоснована целесообразность применения общих гражданско-правовых принципов к спорам, возникающим в связи с нарушением субъективных прав в цифровой среде. Вместе с тем автор утверждает, что такие принципы не учитывают всех особенностей взаимодействия субъектов, в связи с чем формулирует специальные принципы: принцип тотального учета действий, принцип использования согласованных технологий, принцип контроля доступа. В статье также проводится научный поиск ответа на вопрос, совпадают ли основания возникновения субъективных прав с основаниями для их защиты. Обосновывается утвердительный ответ в связи с корреляцией новых объектов гражданского оборота с общими положениями гражданского права. Автор формулирует дополнительные условия для реализации механизма защиты соответствующего цифрового права.

Ключевые слова: цифровой объект; цифровое имущество; субъективные права; защита гражданских прав; судебная защита; обладатель цифрового объекта; принципы защиты цифровых объектов

Для цитирования: Тумаков А. В. Правовая парадигма защиты прав обладателя цифрового объекта. *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 10. С. 117–126. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.227.10.117-126

The Legal Paradigm for Protecting the Rights of the Digital Object Owner

Albert V. Tumakov

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation named after V.Ya. Kikot
Moscow, Russian Federation

Abstract. The paper examines the general theoretical and civilistic construction of subjective law. Analyzing the general options for possible behavior of legal entities, such as the right to commit their own actions, the right to demand the fulfillment of a legal obligation, the right to apply to a competent state body for protection, the author concludes that the structure of legitimate behavior of participants in civil transactions in relation to digital objects is identical. In order to clarify the foundations of the functioning of the digital environment and the specifics of the protection of subjective rights in the digital environment, the extrapolation method is used and

the possibility of extending the general civil law principles to relations arising in the digital space is considered. The paper substantiates the expediency of applying general civil law principles to disputes arising in connection with the violation of subjective rights in the digital environment. At the same time, the author argues that such principles do not take into account all the specifics of the interaction of subjects, and therefore formulates special principles: the principle of total accounting for actions, the principle of using agreed technologies, and the principle of access control. The paper also provides a scientific search for an answer to the question of whether the grounds for the emergence of subjective rights coincide with the grounds for their protection. The author substantiates the affirmative answer in connection with the correlation of new objects of civil transactions with the general provisions of civil law. The author formulates additional conditions for the implementation of the mechanism for the protection of the relevant digital right.

Keywords: digital object; digital property; subjective rights; protection of civil rights; judicial protection; owner of a digital object; principles of protection of digital objects

Cite as: Tumakov AV. The Legal Paradigm for Protecting the Rights of the Digital Object Owner. *Lex russica*. 2025;78(10):117-126. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2025.227.10.117-126

Введение

Защита гражданских прав — один из базовых институтов гражданского законодательства, нормы которого определяют порядок и способы защиты нарушенных или оспариваемых гражданских прав. Возможность защищать свои права и интересы различными легальными способами, предоставленная правовой системой субъектам гражданского права, является важнейшим элементом гражданского и процессуального права. Неслучайно Л. А. Чеговадзе и Т. В. Дерюгина отмечают, что право, не имеющее защиты, есть фикция¹. В условиях формирования новой правовой парадигмы, охватывающей цифровые объекты, вопросы защиты прав обладателя цифрового объекта приобретают большую актуальность.

Само субъективное право в теории права² понимается как гарантируемая и обеспеченная правом мера возможного (дозволенного) поведения участника правоотношения для удовлетворения своих законных интересов, включающая в себя несколько вариантов возможного поведения:

1) право участника правоотношения собственными действиями удовлетворять свои законные интересы;

2) право участника правоотношения требовать исполнения юридической обязанности другой стороной правоотношения;

3) право участника правоотношения обратиться в компетентный государственный орган за защитой своего нарушенного или оспоренного права.

В конструкции «возможного поведения» субъективные права известны отечественной цивилистике³ давно, и в этой части нужно отметить теорию субъективного права, разработанную С. Н. Братусем⁴, который отмечает, что «... содержание субъективного права заключается не только в том, что запрещено делать обязанному лицу, но и в поведении, дозволенном субъекту. Одно невозможно без другого, и в том и в другом случае речь идет об определенном поведении лиц, являющихся субъектами юридического отношения».

Цифровые объекты являются сравнительно новыми объектами для российского правового порядка. В частности, в ст. 128 ГК РФ (объекты гражданских прав) появился новый вид — цифровые права, которые относятся к имущественным правам. Стоит отметить, что отнесение цифровых прав к имущественным правам вступает в противоречие со ст. 141.1 ГК РФ, относящей их к правам обязательственным.

¹ См.: Чеговадзе Л. А., Дерюгина Т. В. О целях и способах защиты гражданских прав // *Цивилист*. 2022. № 2. С. 37–38.

² См.: Чечоев В. К., Швандерова А. Р. Теория государства и права : учебник. М. : Прометей, 2017. С. 155.

³ Иоффе О. С. Правоотношение по советскому гражданскому праву // *Избранные труды по гражданскому праву*. 4-е изд. М., 2020.

⁴ Братусь С. Н. Избранные труды по гражданскому праву : Из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории «хозяйственного права» // URL: <https://clck.ru/3MsYk2> (дата обращения: 20.06.2025).

Однако с точки зрения поведения управомоченного субъекта ни положения гражданского законодательства, ни положения специального законодательства, применимые к цифровым правам, не выходят за рамки указанной модели поведения. И в этой связи субъективные права как именно имущественные права, существующие в определенной цифровой среде, также можно определять в качестве меры возможного (дозволенного) поведения участника правоотношения для удовлетворения своих законных интересов в отношении определенного объекта, т.е. конкретного имущества, существующего в определенной среде (цифровой) или форме (неовещественной).

В подтверждение этого говорит содержание утилитарного цифрового права, определенное статьей 8 Федерального закона от 02.08.2019 № 259-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», которое включает в себя в том числе следующие полномочия правообладателя:

- 1) право требовать передачи вещи (вещей);
- 2) право требовать передачи исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и (или) прав использования результатов интеллектуальной деятельности;
- 3) право требовать выполнения работ и (или) оказания услуг.

Аналогичная возможность заложена в конструкции восстановления нарушенных цифровых прав через обращение правообладателя к оператору информационной системы, в которой ведется учет цифровых активов, предусмотренной статьей 14.1 Федерального закона от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁵ (далее — Закон о ЦФА).

Соответственно, в части прав на цифровые объекты конструкция правомерного поведения в гражданском обороте тождественна действиям участников правоотношений и в отношении иных видов прав, с учетом наличия цифровой среды.

Однако возникновение у лица какого-либо субъективного права само по себе сразу не влечет необходимость его защиты. Защита становится актуальной в момент нарушения права, поскольку в отсутствие надлежащей и эффективной защиты субъективное право может прекратиться.

Комментируя содержание субъективного права, Д. М. Генкин отмечает, что «...субъективное право — это обеспеченная законом возможность определенного поведения данного лица, носителя субъективного права, с которым корреспондирует обязанность других лиц и возможность при нарушении субъективного права обратиться к принудительной силе государственных органов...»⁶.

Соответственно, защита субъективного права (имущественного или личного) является не только отдельным специальным актом субъектов правоотношения или заинтересованных лиц, но и может рассматриваться как элемент или механизм защиты любого права, обеспечиваемый юрисдикционными или неюрисдикционными способами защиты, который начинает работать при условии нарушения права или при угрозе такого нарушения.

В этом значении защита гражданских прав является одним из базовых элементов нормально функционирующего правопорядка.

Для государства как регулятора социальных отношений эта функция защиты выделяется правоведами в отдельную государственную (правоохранительную⁷) деятельность. Однако в теории гражданского права имеются очевидные пробелы, связанные как с отсутствием нормативного определения понятия «защита», так и с определенным смешением понятий «охрана» и «защита».

Трансформация гражданского оборота, произошедшая по причине цифровизации социальных отношений, не только породила новые объекты гражданского оборота (например, цифровые права), но и поставила перед теорией гражданского права вопросы, например о том, по каким основаниям начинают работать существующие механизмы защиты субъективных прав, а также прав, возникающих в цифровой

⁵ СЗ РФ. 2020. № 31. Ст. 5018.

⁶ Генкин Д. М. Право собственности как абсолютное субъективное право // Вестник гражданского права. 2022. № 4. С. 126.

⁷ Теория государства и права : учебник для юрид. вузов / под ред. А. С. Пиголкина. М. : Городец, 2003. С. 98.

среде, и отличаются ли эти основания от традиционно известных механизмов.

При ближайшем рассмотрении оказывается, что ответ является дискуссионным в юридической науке. Е. А. Суханов, в частности, пишет: «...эффективность средств гражданско-правовой защиты прав и интересов обладателей цифрового имущества предопределяется юридическими особенностями зафиксированных в нем имущественных прав (корпоративных, обязательственных, исключительных), а не техническими особенностями их фиксации или способами их осуществления (что, в частности, подтверждается неудачным опытом применения “виндикации бездокументарных акций”)...»⁸. В этом тезисе представляется верным анализировать основания защиты прав на цифровые объекты в контексте утверждения о том, что в целом они совпадают с общими основаниями защиты субъективных гражданских прав, а «цифровая среда» и «технологии» выступают лишь техническими особенностями рассматриваемого процесса. Применение такого подхода обусловлено необходимостью сближения науки гражданского права с жизнью. Как писала Е. А. Флейшиц, «необходимым условием дальнейшего развития науки советского гражданского права является усиление ее связи с жизнью, с теми хозяйственными задачами, которые выдвигаются коммунистическим строительством, практикой советского экономического оборота, судебной и арбитражной практикой»⁹. Изменения общественных отношений за последние несколько десятилетий демонстрируют эту необходимость как нельзя лучше: многие явления реальной жизни до сих пор не нашли своего отражения в частном праве.

Для комплексного анализа рассматриваемой темы представляется необходимым ответить на несколько вопросов:

— Каковы принципы защиты нарушенных субъективных прав в цифровой среде?

— Является ли возникновение любого субъективного права в цифровом гражданском обороте основанием для его защиты (т.е. со-

впадают ли основания возникновения прав с основаниями для их защиты)?

Вопросы эти важны по той причине, что, с одной стороны, как было описано выше, круг субъектов цифрового гражданского оборота в целом совпадает с кругом субъектов гражданского оборота, с другой стороны — отношения между субъектами подлежат более глубокому изучению с учетом их осложнения цифровым и информационным элементами. Видится, что данный вывод в равной степени может быть применен и в отношении оснований и механизмов защиты гражданских цифровых прав.

Ряд исследователей, основываясь на нормах применимого законодательства, выдвигает предположение, что в отношении цифровых прав условиями и основаниями их защиты является не только факт возникновения права, но и соблюдение определенных процедур владельцем цифрового права¹⁰.

Эта проблематика будет рассмотрена более подробно далее, однако необходимо отметить, что практика оборота цифровых объектов и сходных с ними объектов, прежде всего криптовалют, показывает, что такой подход в ряде случаев является обоснованным и отражен в правовом регулировании.

Принципы защиты прав обладателя цифрового объекта

Для анализа оснований охраны субъективных прав на цифровые объекты имеет значение институт принципов защиты гражданских прав. Принципы — фундамент любой отрасли права, поскольку в них отражается общая мысль отрасли и направление, заложенное законодателем¹¹. На базе принципов в нормативное регулирование внедряются конкретные механизмы защиты прав участников оборота.

Руководствуясь доктринальными подходами к принципам гражданского права и оборота в общегражданском значении, можно выделить следующие тезисы, применимые в отношении гражданского оборота цифровых объектов:

⁸ Суханов Е. А. О гражданско-правовой природе цифрового имущества // Вестник гражданского права. 2021. № 6. С. 10.

⁹ Флейшиц Е. А. Избранные труды по гражданскому праву : в 2 т. М. : Статут, 2015. Т. 2. С. 144.

¹⁰ Вавилин Е. В. Осуществление и защита гражданских прав в условиях цифровой трансформации отношений // Вестник Томского государственного университета. Право. 2024. № 53. С. 111–112.

¹¹ Шершеневич Г. Ф. Избранное. М. : Статут, 2017. Т. 5 : Учебник русского гражданского права / вступ. слово, сост.: П. В. Крашенинников. С. 16.

1. *Добросовестность и разумность действий участников гражданского оборота.* Закон ставит защиту гражданских прав в зависимость от того, осуществлялись ли эти права разумно и добросовестно. Специальное законодательство не имеет оговорки о действиях субъектов правоотношений в таком качестве, но в условиях недостаточного нормативного регулирования именно на основе трактовки этого принципа может быть осуществлена защита прав участников оборота цифрового имущества. Принцип добросовестности активно исследуется В. В. Голубцовым, который отмечает, что данная категория опирается на объективные стандарты, закрепленные в законодательстве¹². Согласимся с тем, что законодатель определяет некоторые границы добросовестного поведения — это ожидаемое от участника гражданского оборота поведение при сравнимых обстоятельствах. Однако цифровая среда диктует свои правила поведения, отличные от тех, которые присущи физическому миру.

В связи с этим автор считает уместным обратиться к иному подходу, согласно которому добросовестность — понятие не правовое, поэтому должно рассматриваться через призму свойств общественных отношений¹³. С одной стороны, такой подход позволяет взглянуть на добросовестность в более широком контексте, с другой стороны, он растворяется и нивелируется в нормах ГК РФ, где четко отражен правовой дискурс рассматриваемой категории. Другие авторы объясняют значение добросовестности через презумпцию. По этому поводу В. В. Кулаков пишет: «Одновременное закрепление в ГК РФ добросовестности как основного начала гражданского законодательства и презумпции представляется нелогичным»¹⁴. Автор статьи убежден в состоятельности принципа добросовестности и необходимости его экстраполяции на правоотношения в цифровой среде. Его реализация имеет особенности, обусловленные спецификой самих общественных отношений. Так, А. А. Волос отмечает следующие особенно-

сти реализации данного принципа в цифровой среде: повышенные стандарты предоставления информации контрагенту; возможное ужесточение последствий за непредоставление необходимой информации; рассмотрение интерфейса как обстоятельства, влияющего на оценку добросовестного поведения¹⁵.

2. *Запрет причинения вреда.* В соответствии со ст. 10 ГК РФ не допускаются действия граждан и юридических лиц, осуществляемые исключительно с намерением причинить вред другому лицу, а также злоупотребление в иных формах. Не допускается использование гражданских прав в целях ограничения конкуренции, а также злоупотребление доминирующим положением на рынке. С учетом того, что гражданский оборот цифровых объектов регулируется в основном смешанным способом, при котором часть регуляторных полномочий закреплена в договорных формах участников оборота (правилах информационной системы или правилах обмена цифровыми активами), этот принцип важен для защиты приобретателей прав в их отношениях с создателями и организаторами оборота цифрового имущества.

Значение рассматриваемого принципа сложно переоценить в условиях возрастающих рисков: применение технологий искусственного интеллекта, возникновение новых цифровых объектов. Неслучайно был принят Федеральный закон от 08.07.2024 № 169-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации”»¹⁶, устанавливающий особый механизм возмещения вреда, причиненного в результате использования технологии искусственного интеллекта (в рамках экспериментальных правовых режимов). Представляется, что это один из примеров того, как может развиваться принцип запрета причинения вреда применительно к отношениям по поводу новых объектов.

3. *Право на судебную защиту.* Из ст. 11 ГК РФ следует, что судебная защита граждан-

¹² См.: Голубцов В. Г. Принцип добросовестности и смысл гражданского законодательства: логика законодательных изменений и задачи правоприменения // Российский юридический журнал. 2020. № 2. С. 142–150.

¹³ См.: Ульянов А. В. Добросовестность в гражданском праве // Журнал российского права. 2014. № 6.

¹⁴ Кулаков В. В. Основные принципы гражданского права как особая форма права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2013. № 4. С. 185.

¹⁵ Волос А. А. Проблемы реализации принципа добросовестности в условиях цифровизации гражданского оборота // Lex russica. 2023. № 6 (199). С. 135–136.

¹⁶ Российская газета. № 152. 12.07.2024.

ских прав осуществляется независимо от того, имеется ли соответствующее указание в применимом законодательстве. В части цифровых объектов с учетом определенной незавершенности правового регулирования этот принцип играет важную роль, хотя в отдельных случаях он применяется с ограничениями (речь идет о декларировании факта владения цифровой валютой как необходимом условии судебной защиты).

4. Запрет ограничения прав и свобода их осуществления. Статья 9 ГК РФ в целом определяет, что субъекты прав свободны в их реализации, а отказ граждан и юридических лиц от осуществления принадлежащих им прав не влечет прекращения этих прав, за исключением случаев, предусмотренных законом.

В настоящее время использование большей части субъективных прав на цифровые объекты осуществляется делегированно — через правила и функционал информационной системы, в которой эти права учитываются. Технические особенности функционирования таких систем (в том числе функционирующих по принципу смарт-контракта и свободного выбора) могут приводить к незнанию или неосознанному отказу от реализации прав.

С учетом анализа специального законодательства представляется возможным выделить несколько отдельных принципов защиты прав на цифровые объекты, значимых именно в цифровом аспекте.

1. Принцип тотального учета действий. Этот принцип возможно сформулировать с учетом уже приведенного критерия существования защиты прав на цифровые объекты с учетом их регистрации (и с момента такой регистрации) в информационной системе. Однако с учетом происходящей цифровизации не только рассматриваемого сегмента, но и всего гражданского оборота и инструментов, им используемых в части фиксации юридических фактов, целесообразно говорить о том, что любое действие любого участника правоотношения должно быть зафиксировано в объеме, достаточном для доказывания любого юридического факта.

2. Принцип использования согласованных технологий. Данный принцип реализуется через установленные в применимом законодательстве условия фиксации прав на цифровые объекты только с использованием определенных законом систем и технологий. Информационная система, в которой ведется учет цифро-

вых прав, должна быть в обязательном порядке согласована с уполномоченным органом и должна отвечать определенным техническим требованиям.

3. Принцип контроля доступа. Статья 4 Закона о ЦФА определяет, что одним из качеств приобретателя цифрового актива является наличие доступа к информационной системе, в которой учитываются цифровые финансовые активы, посредством обладания уникальным кодом для допуска в систему, позволяющего приобретателю получать информацию о цифровых финансовых активах, которыми он обладает, а также распоряжаться этими цифровыми финансовыми активами посредством использования информационной системы.

Данный принцип имеет крайне важное значение для оборота цифрового имущества, поскольку именно через доступ к информационной системе обеспечивается фиксация соответствующего права. Именно обязанность идентификации и аутентификации субъекта (в качестве лица, выпускающего цифровые финансовые активы, обладателя цифровых финансовых активов, оператора обмена цифровых финансовых активов, номинального держателя цифровых финансовых активов, иностранного номинального держателя цифровых финансовых активов) позволяет избежать проблем, связанных с дистанционным и анонимным распоряжением имуществом.

Условия и основания защиты права обладателя цифрового объекта

Термин «основание защиты права» в частноправовом значении может быть определен как совокупность условий и обстоятельств, при наступлении которых реализуются механизмы защиты права, превентивные или деликтные, работающие при его нарушении.

С учетом возможности превентивной защиты права одним из условий его защиты следует считать факт наличия самого права — в его объективном или субъективном понимании.

При определении момента защиты субъективного права после его появления (возникновения) важны общие основания возникновения гражданских прав, которые заложены в ст. 8 ГК РФ. Согласно указанной норме, гражданские права и обязанности возникают:

— из договоров и иных сделок, предусмотренных законом, а также из договоров и иных

сделок, хотя и не предусмотренных законом, но не противоречащих ему;

— из решений собраний в случаях, предусмотренных законом;

— из актов государственных органов и органов местного самоуправления, которые предусмотрены законом в качестве основания возникновения гражданских прав и обязанностей;

— из судебного решения, установившего гражданские права и обязанности;

— в результате приобретения имущества по основаниям, допускаемым законом;

— в результате создания произведений науки, литературы, искусства, изобретений и иных результатов интеллектуальной деятельности;

— вследствие причинения вреда другому лицу;

— вследствие неосновательного обогащения;

— вследствие иных действий граждан и юридических лиц;

— вследствие событий, с которыми закон или иной правовой акт связывает наступление гражданско-правовых последствий.

Определяя основания возникновения гражданских прав в ГК РФ, законодатель не выделяет каких-либо специальных оснований для возникновения прав на цифровые объекты в гражданском обороте. К ним в целом применим тот же подход к классификации оснований возникновения, как и к любым иным субъективным правам, возникающим вне цифровой среды.

Самым распространенным основанием для возникновения прав на цифровые объекты можно считать договоры и сделки. Так, большая часть эмиссионных решений российских эмитентов цифровых финансовых активов (ЦФА) в 2023–2024 гг. в качестве основания для возникновения прав на ЦФА определяет заключение договора купли-продажи ЦФА посредством акцепта оферты эмитента приобретателем права¹⁷.

Порядок и условия заключения такого договора должны быть отражены в правилах информационной системы оператора обмена цифровых активов.

Например, в правилах информационной системы ООО «Системы распределенного реестра»

определено, что «...пользователи вправе заключать любые предусмотренные законодательством Российской Федерации сделки, связанные с ЦФА... Пользователи могут распоряжаться ЦФА посредством заключения договоров купли-продажи ЦФА через оператора, который посредством технологических решений ИС обеспечивает совершение таких сделок путем сопоставления разнонаправленных заявок на покупку и заявок на продажу...»¹⁸.

Однако глава 2 подразд. 1 ч. 1 ГК РФ не содержит специальных условий для возникновения (и защиты) прав на цифровые объекты. Принятое для регулирования оборота цифровых объектов законодательство закрепляет ряд условий, применяемых в разрезе видов используемого объекта. В частности, в отношении цифровых финансовых активов Законом о ЦФА определено, что права, удостоверенные цифровыми финансовыми активами, возникают у их первого обладателя с момента внесения в информационную систему, в которой осуществляется выпуск цифровых финансовых активов, записи о зачислении цифровых финансовых активов указанному лицу.

То есть права на определенное имущество, удостоверенные цифровым активом, возникают тогда (и очевидно — при условии), когда они зарегистрированы уполномоченным законом лицом в легально зарегистрированной информационной системе. В отсутствие таковой регистрации, даже при наличии заключенного договора купли-продажи цифрового актива, права на него не будут считаться перешедшими приобретателю.

Иная по смыслу конструкция заложена законом и в отношении цифровых валют. Условием выпуска (т.е. эмиссии) цифровой валюты являются действия с использованием объектов российской информационной инфраструктуры и (или) пользовательского оборудования, размещенного на территории Российской Федерации, направленные на предоставление возможностей использования цифровой валюты третьими лицами. То есть условием легальной эмиссии цифровой валюты будут не только действия уполномоченного лица, но и локализация используемого в процессе эмиссии оборудования и программного обеспечения

¹⁷ Решение о выпуске цифровых финансовых активов VTBF15 // URL: <https://clck.ru/3Msq9i> (дата обращения: 21.06.2025).

¹⁸ Правила информационной системы ООО «Системы распределенного реестра» // URL: <https://clck.ru/3MsqGL> (дата обращения: 21.06.2025).

исключительно на территории Российской Федерации.

Статья 14 Закона о ЦФА также определяет, что требования, связанные с обладанием цифровой валютой, подлежат судебной защите только при условии информирования о фактах обладания цифровой валютой и совершения гражданско-правовых сделок и (или) операций с цифровой валютой в порядке, установленном законодательством Российской Федерации и налогах и сборах.

Таким образом, в частном и практическом смысле основания защиты прав на цифровые объекты совпадают с общими основаниями защиты гражданских прав с учетом того обстоятельства, что специальное законодательство в области оборота цифрового имущества устанавливает ряд условий для получения легальной защиты.

Е. В. Вавилин отмечает, что «...защиту прав необходимо ставить в прямую зависимость от легитимности действий участников отношений в информационной-телекоммуникационной системе, строгого следования всем установленным законом процедур осуществления прав. То есть безусловное соблюдение всех установленных законом процедур должно быть непреложным условием возникновения права на защиту...»¹⁹.

С учетом ранее приведенных положений специального законодательства (о регистрации права в информационной системе и о необходимости декларирования права как условия его защиты) можно сделать вывод о том, что в отдельных случаях закон связывает основания защиты прав и охраняемых законом интересов с соблюдением легальных процедур, в отсутствие которых объект не подлежит защите.

Однако с учетом специфики цифровых объектов целесообразно выделить несколько дополнительных условий, необходимых для реализации механизма их защиты. Такими условиями можно считать следующие:

1) наличие у обладателя цифрового объекта специального статуса;

2) соблюдение обладателем цифрового объекта определенных процедур (правомерное поведение);

3) использование в процессе защиты права на цифровой объект определенных технологий и процедур досудебного урегулирования споров.

Заключение

Защита субъективных гражданских прав занимает важное место в ряду дозволенного поведения участников гражданского оборота. С развитием технологического прогресса вопросы защиты субъективных прав получают новый виток актуальности и потому привлекают взгляды не только исследователей, но и законодателя. Несмотря на то что привычные механизмы и принципы гражданского права вполне применимы к отношениям в цифровой среде, такие нормы не учитывают специфику информационных систем и специфику установления связей между субъектами. Автором выработаны специальные принципы защиты субъективных прав в цифровой среде, к числу которых относятся: принцип тотального учета действий, принцип использования согласованных технологий, принцип контроля доступа. Представляется, что построение на данных принципах механизма защиты субъективных прав обладателей цифровых объектов позволит сформировать более понятную судебную практику и будет способствовать развитию новой цивилистической парадигмы, которая в настоящее время находится на самых ранних стадиях формирования. Руководствуясь обозначенными принципами, автором сформулированы дополнительные условия (наряду с общеизвестными) реализации механизма защиты соответствующего права.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Братусь С. Н. Избранные труды по гражданскому праву : Из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории «хозяйственного права» // URL: <https://clck.ru/3MsYk2> (дата обращения: 20.06.2025).

Вавилин Е. В. Осуществление и защита гражданских прав в условиях цифровой трансформации отношений // Вестник Томского государственного университета. Право. 2024. № 53. С. 110–121.

¹⁹ Вавилин Е. В. Указ. соч. С. 115.

- Волос А. А. Проблемы реализации принципа добросовестности в условиях цифровизации гражданского оборота // *Lex russica*. 2023. № 6 (199). С. 128–137.
- Генкин Д. М. Право собственности как абсолютное субъективное право // *Вестник гражданского права*. 2022. № 4. С. 123–136.
- Голубцов В. Г. Принцип добросовестности и смысл гражданского законодательства: логика законодательных изменений и задачи правоприменения // *Российский юридический журнал*. 2020. № 2. С. 142–150.
- Иоффе О. С. Правоотношение по советскому гражданскому праву // *Избранные труды по гражданскому праву*. 4-е изд. М., 2020.
- Кулаков В. В. Основные принципы гражданского права как особая форма права // *Вестник Пермского университета. Юридические науки*. 2013. № 4. С. 185–192.
- Суханов Е. А. О гражданско-правовой природе цифрового имущества // *Вестник гражданского права*. 2021. № 6. С. 7–29.
- Теория государства и права : учебник для юридических вузов / под ред. А. С. Пиголкина. М. : Городец, 2003. 539 с.
- Флейшиц Е. А. Избранные труды по гражданскому праву : в 2 т. Т. 2. М. : Статут, 2015. 720 с.
- Цечоев В. К., Швандерова А. Р. Теория государства и права : учебник. М. : Прометей, 2017. 330 с.
- Чеговадзе Л. А., Дерюгина Т. В. О целях и способах защиты гражданских прав // *Цивилист*. 2022. № 2. С. 37–42.
- Шершеневич Г. Ф. Избранное. Т. 5 : Учебник русского гражданского права / вступ. слово, сост.: П. В. Крашенинников. М. : Статут, 2017. 832 с.

REFERENCES

- Bratus SN. Selected works on civil law: From the history of civil thought. Civil law relations. Criticism of the theory of «economic law». Available at: <https://clck.ru/3MsYk2> [cited 20 June 2025]. (In Russ.).
- Chegovadze LA, Deryugina TV. On the goals and methods of protecting civil rights. *Tsivilist*. 2022;2:37-42. (In Russ.).
- Fleishits EA. Selected works on civil law: In 2 volumes. Vol. 2. Moscow: Statut Publ.; 2015. (In Russ.).
- Genkin DM. Property law as an absolute subjective right. *Vestnik grazhdanskogo prava [Civil Law Review]*. 2022;4:123-136. (In Russ.).
- Golubtsov VG. The principle of good faith and the meaning of civil legislation: The logic of legislative changes and the tasks of law enforcement. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal [Russian Juridical Journal]*. 2020;2:142-150. (In Russ.).
- Ioffe OS. Legal relations under Soviet civil law. Selected works on civil law. 4th ed. Moscow, 2020.
- Kulakov VV. Basic principles of civil law as a special form of law. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki [Perm University Herald. Juridical Sciences]*. 2013;4:185-192. (In Russ.).
- Pigolkin AS, editor. Theory of the State and Law: A textbook for law schools. Moscow: Gorodets Publ.; 2003. (In Russ.).
- Shershenevich GF. Selected works. Vol. 5. Textbook of Russian civil law. Foreword, compiled by P.V. Krasheninnikov. Moscow: Statut Publ.; 2017. (In Russ.). Vol. 5.
- Sukhanov EA. On the civil nature of digital property. *Vestnik grazhdanskogo prava [Civil Law Review]*. 2021;6:7-29. (In Russ.).
- Tsechoev VK, Shvanderova AR. Theory of the State and Law: A textbook. Moscow: Prometey Publ.; 2017. (In Russ.).
- Vavilin EV. Implementation and protection of civil rights in the context of digital transformation of relations. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo [Tomsk State University Journal. Law]*. 2024;53:110-121. (In Russ.).
- Volos AA. Difficulties in principle of good faith implementation in the conditions of digitalization of civil transactions. *Lex russica*. 2023;6(199):128-137. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Тумаков Альберт Владиславович, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса Московского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя
д. 12, Академика Волгина ул., г. Москва 117437, Российская Федерация
albert-tumakov@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Albert V. Tumakov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of Civil and Labor Law, Civil Procedure, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.Ya. Kikot, Moscow, Russian Federation
albert-tumakov@rambler.ru

Материал поступил в редакцию 10 ноября 2024 г.

Статья получена после рецензирования 10 сентября 2025 г.

Принята к печати 15 сентября 2025 г.

Received 10.11.2024.

Revised 10.09.2025.

Accepted 15.09.2025.